

ПОЕТ ОБУХОВА

ЭТО похоже на сказку. В полевой госпиталь доставили тяжело раненного офицера. Его готовили к операции, но надежды на благополучный исход были ничтожны. По законам строгих военных лет хирург сказал об этом раненому. И был еще один закон — исполнить его последнюю просьбу. Подумав, офицер произнес: «Я хотел бы послушать Обухову...» Воля его была исполнена. И произошло чудо — смертельно раненный выздоровел... Ну как тут не подумать, что жизнь вернулась к умирающему благодаря сказочной «живой воде» — голосу Обуховой!

В годы войны голос Обуховой «вылечивал» от душевных ран многих, это уже не сказка, об этом ей писали тогда тысячи людей. «Лечит» он и теперь — от сомнений и невзгод, будничности и довольства... Он и успокаивает, и тревожит, он очищает и помогает познавать жизнь...

Совершенное искусство всегда кажется созданием самой природы. Вот так же вошло в нашу жизнь пение Надежды Андреевны Обуховой. В минуты радости и печали, будничных забот и повседневной спешки нас останавливает голос диктора радио: «Поет Обухова...»

Она пела до конца жизни, ее последнее публичное выступление состоялось, когда ей было 75 лет!

В чем секрет ее голоса?

— Никакого «секрета» у меня нет, — отвечала она. — Я просто любила и люблю свое искусство и ему подчинила всю жизнь.

Но «секрет» у нее все же был. Правда, им нельзя поделиться, передать его другому — он в совокупности внутренних свойств души, в глубокой человечности, которой овладевает любое произведение в ее исполнении. «...многие наши певцы часто берутся петь высокохудожественные вещи и делают из них возмутительную «халтуру»; Надежда Андреевна наряду с классикой поет слабые, безымянные произведения, но каждое из них в ее передаче становится шедевром», — так пишет известный музыкант В. Небольсин.

Голос Обуховой не обманывает, она была именно такой, какой слышится нам в своих песнях, ариях, романсах, — щедрой, душевной, простой, женственной, неожиданной, горячей...

На страницах своего дневника артист Д. Орлов, только что вернувшийся домой после концерта Обуховой, размышляет: «...как на сцене все видно. Человек на сцене должен быть прекрасен душевно и очень захватывающим тем, что он предлагает». Как часто не понимают этих простых вещей некоторые исполнители! Они тщательно «обставляют» свой внешний выход на сцену, казалось бы, у них есть все — головокружительный наряд, эффектный жест, пышный аккомпанемент, есть и голос, забыта одна «маленькая» деталь — душа пуста. Но «на сцене все видно»... И чудо не происходит.

Надежда Андреевна поражала скупостью, аскетизмом внешних проявлений — ей не нужны были жесты, мимика — все нюансы человеческих переживаний передавала она одним только голосом. Нет, не только голосом, еще и словом.

Великие русские певцы всегда исходили из содержания произведения, они знали вкус, запах, вес слова... Вот еще один «секрет» Обуховой.

Романс М. Глинка «Не искушай меня без нужды...» Обухова, вопреки традиции, исполняла соло, а на предложение петь «его

вдвоем отвечала: «В дуэте слова перекликаются то у тенора, то у женского голоса, и смысл слов теряется». Автор этого романа — современник и друг А. Пушкина, он же прадед Обуховой — поэт Е. Баратынский. Его портрет висел в ее доме, она любила его стихи, особенно то, где звучат строчки:

Есть что-то в ней,
что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами —
с душой;
Есть что-то в ней
над сердцем самовластной
Земной любви и прелести
земной...
...Когда ты с ней,
мечты твоей неясной
Неясною владицей она:
Не мыслишь ты — и только
лишь прекрасной
Присутствием душа твоя
полна.

Как это подходит к правнучке русского поэта!

С самого рождения две вещи — музыка и природа — были постоянными спутниками ее жизни. Вся семья Обуховых была музыкальна. Дедушка, Адриан Семенович Мазарки, заменивший Надежде Андреевне, ее старшей сестре Анне и брату рано умершую мать, был замечательным музыкантом. Он дружил с семьей Рубинштейна, основал в Воронеже филармоническое общество и сам учил музыке внуков. Детство Обуховой прошло в старинной усадьбе деда, среди необозримых просторов, которые видишь, когда она поет русские народные песни.

Болезнь наследственного туберкулеза, стеснявшего жену и дочь, дед вывозил внуков сначала в Крым, а потом в течение семи зим из юг Франции, в Ниццу. Здесь в 1901 году обещавшие брату уроки пения у мадам Липман, ученицы Полины Виардо, которая поему-то определила у младшей из сестер сопрано. Надежда втайне завидовала контрольному голосу сестры, а впоследствии утверждала, что голос Анны был лучше, чем ее, но профессиональной певицей Анна Обухова не стала из-за болезни большой аудитории. За границей Адриан Семенович знакомил звучен с лучшим, что было тогда в художественно-театральном мире, возил их и на первый легендарный «выход» Ф. Шаляпина в Европу; путешествуя по Италии, они изучали произведения великих мастеров живописи, слушали пение итальянских рыбаков и пели вместе с ними.

После внезапной смерти деда и возвращения в Москву сестер опекал дядя — Сергей Трофимович Обухов, а ту пору управлявший Московской конторой императорских театров, в прошлом певец. Другой дядя, Александр Трофимович, автор знаменитой «Калитки», славился исполнением старинных цыганских романсов, которые он пел, аккомпанируя себе на ги-

таре. От него Обухова унаследовала любовь и цыганской песни.

С 1907 года Обухова — ученица Московской консерватории по классу Умберто Мазетти. Занятия пришлось прервать из-за болезни горла и снова ехать в Италию. В Сорренто, где она поселилась, Обухова пополняет свой итальянский репертуар, с еще большей силой влюбляется в природу этой страны. Побывала она и на Капри, где жил тогда М. Горький, издали поглядывала на его виллу, но зайти не решилась...

Продолжая учебу в консерватории, Обухова стала появляться в концертах, исполняя дуэты с «самой» А. Неждановой, которой очень нравилось, как сочетаются их голоса.

Обухова мечтала петь на сцене Большого театра, но мешало ее родство с управляющим конторой. Не желая неизбежных разговоров о протектировании, она поехала на пробу в Петербург, в Мариинский театр. Певица Андреева (Обухова спряталась за этим псевдонимом) была приглашена в труппу, но предложением не воспользовалась — всей душой она принадлежала Москве, Большому театру. Наконец через четыре года, в 1916 году, она вышла на его подмостки, исполнив партию Полины в «Пиковой даме».

К золотому списку имен, составляющих славу Большого театра — Шаляпин, Нежданова, Собинов, — мы всегда добавляем еще одно — Обухова.

Красота и блеск итальянского бельканто были наполнены у нее той особой «теплотой», которая отличает русскую вокальную школу. От ее Весны («Снегурочка») струился такой солнечный свет, такая горячая любовь, что однажды дирижер В. Сук воскликнул: «Я боюсь, Надежда Андреевна, что если вы будете так петь, то как бы Снегурочка не растаяла раньше времени».

Стремление к правде переживания, к правде слова диктовали Обуховой строгость сценических выразительных средств. Однажды она резко возразила режиссеру, который настаивал, чтобы во время арии Марфы в «Хованщине» певица в такт бросала цветы — направо, налево... «Моя Марфа не могла сентиментально разбрасывать цветочки в тот момент, когда сердце ее горит от любви и страдания», — заявила Обухова.

Артистическое чутье подсказывало ей идти от своих сцен-

ических данных. Она отказывалась стремительно выбегать на сцену в роли Кармен, ее крупная, величавая фигура не соответствовала такому «резвому» выходу. И на столе она не танцевала, да этого и не нужно было — ведь она могла «танцевать» голосом...

«...Я любила, исполнять на сцене образы сильных и страстных женщин», — вспоминала Обухова. Кончаковна («Князь Игорь»), Далила («Самсон и Далила»), Кармен, Амнерис («Аида») — кажется, в списке ее ролей «нестрастных» женщин нет, все это мятежные натуры, изведавшие и радость любви, и горечь страдания, и тысячи других человеческих чувств, которые способен передать обуховский голос. Но лучшие ее роли — в русском репертуаре: Любава («Садко»), Марфа («Хованщина») и особенно Любава («Царская невеста»). Она пела Любашу более двадцати лет!

Великие артисты даже в малом раскрывают свою тему, в каждый образ невольно вносят черты, свойственные им самим. Благородство М. Ермоловой не исчезало даже в ее леди Макбет, Н. Симонова — в Сальери, Н. Обуховой — в Любаше, отравившей соперницу. «Я видела в Любаше не злодейку-преступницу, а оскорбленную женщину, дошедшую до предельного отчаяния, которая в душевном смятении теряет способность разбираться в средствах борьбы». «По Обуховой», любовь заслуживает снисхождения, прощения. А сколько исповедей женской любви поведала она в русских народных песнях!

Обухова не знала, что такое профессиональное пресыщение, она охотно пела в кругу застолья, для одного человека, постучавшегося к ней в дверь, которого она видит, может быть, первый и последний раз в жизни, пела на берегу моря — ни для кого... С 1949 года до последних дней она снимала небольшой домик в Феодосии, где проводила летние месяцы (там же она и умерла). Восточный Крым напоминал Италию, морской воздух хорошо влиял на голос. Только им одним она и дорожила, другого ей ничего не нужно было. Во время войны она сдала в фонд обороны машину, потом отказалась от дачи, говорят, что даже рояль она брала напрокат. Зато в ее квартире всегда было полно цветов, и еще она любила канареек, правда, на время занятий их приходилось удалять из комнаты — услышав Надежду Андреевну, они начинали «подпевать» ей.

Великая артистка была замечательным человеком — отзывчивым, добросердечным, и если что выводило ее из себя, так это недоброжелательство других. Она была очень общительна, каждый человек был ей интересен и чувствовал себя с ней легко и просто. Она встречалась с друзьями чаще всего один на один, и гость мог быть уверен, что все внимание Обуховой принадлежит в эти часы только ему, а если затронут телефон, она вежливо откажет: «Я сейчас занята...» Она любила гулять по Москве, ходить в гости, ее интересовало все, что происходит вокруг. Кто-то из художников попросил Надежду Андреевну позировать ему для портрета. Когда она узнала, что нужно для этого 80 часов, из-отрез отказалась — такая пассивная жизнь была не по ней, и сколько времени было бы отнято взамен встреч с людьми!

А вот для писем она времени не жалела, ведь письма — те же встречи. Все знаменитые артисты получают письма от своих неведомых почитателей, Обухова получала потоки писем, килограммы писем. И что самое замечательное — она в сем отвечала и огорчалась, если обратного адреса на конверте не было. И кто знает, кто сможет подсчитать, скольким людям помогла «живая вода» обуховского голоса, ее человеческого участия...

Ирисса РОДИОНОВА

На снимке: А. А. ЯБЛОЧКИНА и Н. А. ОБУХОВА.